

Металогические предпосылки в досократической протофилософской мысли

Максим Александрович Кузнецов

Бакалавр, 1 курс, Московский международный университет, г. Москва, Россия
m.a.kuznetsov00@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена выявлению металогических предпосылок в досократической протофилософии и обоснованию концепта «этического лоно философии» как фундаментальной ценностно-мировоззренческой среды, обусловившей становление классической рациональности. Уточняется понятие металогии: она трактуется как постлогическая данность, существующая на границе личного (имманентного) и мифического (трансцендентного), стремящаяся за пределы формально-логических структур и выражающаяся через убеждения, качества личности и мифопоэтические образы. На основе системного анализа фрагментов досократиков (Гермотим, Анаксагор, Эврит, Эмпедокл и др.) раскрываются специфические черты металогических структур: пограничность, опора на убеждение, синкретичность знания и этическая нагруженность. Показано, что именно этическое лоно – совокупность представлений о надлежащем, укорененных в мифе и школе, – служило питательной средой для вызревания рационального мышления. Утверждается, что металогика фиксирует личностное измерение философствования, тогда как этическое лоно задает его ценностно-смысловое единство. В работе обосновывается, что Сократ, Платон и Аристотель не только обобщили предшествующую мысль, но и переосмыслили ее, сохраняя собственные металогические установки; их наследие демонстрирует неразрывную связь рациональности с этическим истоком. Полученные результаты позволяют переосмыслить истоки европейской рациональности и предлагают методологическую оптику для анализа современных мировоззренческих кризисов, а также ставится возможность рассмотрения переходных интенций в науке.

Ключевые слова: металогика, этическое лоно, досократики, рациональность, миф, убеждение, Гермотим

Metalogical presuppositions in pre-socratic protophilosophical thought

Maxim A. Kuznetsov

Bachelor, 1st year, Moscow International University, Moscow, Russia
m.a.kuznetsov00@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the identification of metalogical prerequisites in pre-socratic protophilosophy and the substantiation of the concept of the "ethical bosom of philosophy" as a fundamental value-worldview environment that determined the formation of classical rationality. The concept of metalogics is being clarified: It is interpreted as a post-logical reality existing on the border of the personal (immanent) and the mythical (transcendent), striving beyond formal logical structures and expressed through beliefs, personality traits and mythopoeic images. Based on a systematic analysis of fragments of the pre-Socratics (Hermotimus, Anaxagoras, Eurytus, Empedocles, etc.), the specific features of metalogical structures are revealed: borderline, reliance on persuasion, syncretic knowledge and ethical burden. It is shown that it was the ethical bosom – a set of ideas about the proper, rooted in myth and school – that served as a breeding ground for the maturation of rational thinking. It is argued that metalogics captures the personal dimension of philosophizing, while the ethical bosom defines its value-semantic unity. The paper substantiates that

Socrates, Plato and Aristotle not only generalized the previous thought, but also rethought it, preserving their own metalogical attitudes; their legacy demonstrates the inextricable connection of rationality with an ethical source. The results obtained make it possible to rethink the origins of European rationality and offer methodological optics for analyzing modern ideological crises, as well as the possibility of considering transitional intentions in science.

Keywords: *metalogic, the ethical bosom of philosophy, pre-Socratics, proto-philosophy, rationality, myth, belief, Anaxagoras, Hermotimus, Socrates, Plato, Aristotle*

© М.А. Кузнецов (Москва). m.a.kuznetsov00@mail.ru. Московский международный университет. Южный Полюс 15 (1) (2026) DOI: 10.18522/2415-8682-2026-15-36-46

Введение. Говоря о любом предмете, сначала необходимо установить границы достаточного основания использования понятия и проблематику необходимости введения того или иного предметного поля.

Термин «металогика» многогранен. Сама по себе приставка «мета» указывает, с одной стороны, на то, «о чем сам предмет рассуждений». Как и в случае термина «метафилософия» - то есть, о философии. С другой стороны, приставку «мета» можно понимать, как «за пределами», как в случае термина «метафизика» - дословно – «то, что после физики».

Как считает Моррис Лазеровиц, метафилософия должна выходить за пределы собственной философии, но постольку, поскольку сама по себе метафилософия обладает слабой объяснительной силой, она должна следовать за «систематической» философией, или, если можно так сказать, определенным множеством таких философий. «Следование за» есть иное выражение для характеристики метафилософии как находящейся вне философии, но на деле его исследования демонстрируют, что его метафилософия представляет собой позицию «внутри» самой философии [1].

Термин «металогика» также имеет несколько трактовок. С одной стороны, если понимать приставку «мета» в первом значении (то есть «о чем-то»), тогда металогика будет означать исследование метатеорий логики, то есть изучение самих логических теорий. Метатеории, следовательно, будут означать исследование предметов и свойств другой теории.

Если понимать металогика во втором значении приставки «мета», то здесь с необходимостью возникают проблемы. Данный термин может пониматься, например, как «внелогическая логика, логика за рамками логики, сопряженная с неизвестностью логика, логика из ничего и через ничто, трансцендентальная логика, мистическая логика» [2, с. 219-222]. Однако часто решение проблемы конкретизации понятия происходит через оппозицию «логика – алогика» без выявления промежуточных звеньев, так как, исходя из данного определения, металогика «выходит за пределы» логики, но является ли она алогикой или чем-то иным, статья Осипова Ю. М. не дает ответа.

В данном исследовании металогика понимается во втором значении, как то, что находится за пределами формальных логических структур и служит, с одной стороны, фиксацией опыта, а с другой стороны - его операциональной (формально-логической) неопределенностью. Неопределенность следует понимать, как недостижимость познания опыта всецело, его внутреннюю фундаментальность.

Выстраивание металогики и ее структур позволяет выделить «этическое лоно» мысли. Иначе как могла бы образоваться «внутренняя фундаментальность», если бы не те условия, которые были заложены теми, кто был рядом. Формирование фундамента знания о чем-либо представляет собой сложное сплетение исторических, этических, культурных, социальных и индивидуальных аспектов. Этическое лоно — это представления о надлежащем и необходимом в рамках той или иной философской традиции.

Досократическая протофилософия способствовала не только развитию рационального мышления, которое в полной мере выразилось в трудах Платона и Аристотеля, но и содействовала выделению так называемого этического лона философии. В этом отношении

магистральным ядром проблемы является не просто выделение рационального в трудах досократических философов, а выявление их специфики и металоогических структур в контексте этического лона.

Как известно, протофилософию составляют два компонента: 1) мировоззренческое воображение (мифико-поэтический комплекс) [3, с. 4] 2) практико-теоретическое воображение (протонаука). Данный этап развития знания характеризуется в первую очередь (в узком смысле) тем, что послужило генезису философии [5, с. 6]. Созревание рационального происходило постепенно, в синкретическом смысле. Это означает изначальную нерасчленённость знания, его сближенность с обыденным опытом [6; 2], которое постепенно, через учения, стало оформляться в то, что сейчас можно назвать рациональным мышлением. Однако, чем являлось «рациональное» в досократической философии и какова роль металоогических структур на данном этапе развития знания? И если вызревание рационального происходило в синкретизме, то чем можно объяснить переход от общего, нерасчлененного к частному рациональному?

После ответов на эти вопросы идея рационального предстанет под совершенно иным углом. Станет ясно почему и в связи с чем то, что мы сегодня можем назвать рациональным знанием, впоследствии стало возвращаться к истокам. Обращение к прошлому необходимо не только для того, чтобы лучше понять самих себя, но, и чтобы найти истину в ее изначальном и совершенном значении.

Предметным полем работы является этическое лono философии – то есть совокупность этических знаний и представлений досократических мыслителей, которые в *собственной этике* заложили образы будущей рациональности. Здесь важно подчеркнуть центральную проблему работы – *присутствие так называемого этического лона философии и взаимосвязь с металоогическими структурами как соотношение целого и части.*

Другим важным понятием является металоогика и ее структуры. *Металоогика представляет собой постлогическую данность, существующую на границе между имманентным (личностным) и трансцендентным (мифическим) и стремящуюся выйти за пределы всякого опыта, обладающую свойствами стремления к мудрости мира и мудрости знания (миф и природа, первооснова и ум). Первое означает объяснение через «личный миф» (убеждение), а второй границу самого убеждения, через знание о нем.* Говоря по существу, металоогические структуры – стремящиеся к определенности способы объяснения мира и знания через внутренние качества самой личности при ее естественной ограниченности.

Методология и методы исследования. Методология исследования заключается в системном анализе источников, выделении в них металоогических структур и объяснении первичности этического по сравнению с рациональным. Источники будут преимущественно отобраны из того, что сохранилось от досократических авторов. Выделение же металоогических структур будет сделано посредством прояснения понятий. Чтобы понятие стало инструментом, необходимо поместить его в специфические условия досократической философии, о которой нам известно не так много. Металоогика как метод следует использовать через критерии, а именно: пограничность (часть мифического мировоззрения, находящегося между трансцендентным и имманентными структурами), ценность (в части убеждений и качеств личности), а также существование изначальной предпосылки в виде мифико-поэтического в досократической протофилософии.

Другим важным проблемным элементом, вытекающим из предыдущего, является роль Аристотеля, Сократа и Платона в формировании классической рациональности. Проблема заключается в следующем вопросе: *«кем были бы Сократ, Платон и Аристотель, если бы не их ученики (социальный аспект) и общество, в котором они находились? (культурный аспект)».*

Таким образом, в работе поднимаются следующие проблемы:

1. Зачатки металоогических структур в досократической философии.
2. Проблема «этического лона философии».

3. Роль Сократа, Платона и Аристотеля в формировании рационального знания.

После ответа на данные вопросы будет возможность не просто углубить понимание роли и места досократических мыслителей в историко-философском дискурсе, но и найти основание для поиска истины в дальнейшем.

Результаты исследования и их обсуждение. Зачатки металогики у досократиков.

Протофилософия досократиков представляет собой особый интерес со стороны исследователей. С нее началось не только развитие греческой цивилизации, так и оформление науки и философии в более классическом смысле. Важно понимать, что начало философского наследия античности – лишь один из наиболее важных аспектов философии древнего мира, которые неправильно отделять друг от друга. Это допустимо в части теоретического исследования, но само развитие античного знания было многогранным и всеобщим. Ахутин справедливо отмечает, что «греческая философия рождается не в гадательных домыслах о мире, а в странной озадаченности — в удивлении — самим существом существования. Эта озадаченность — и в экзистенциальном, и в логическом ее оборотах — есть собственное начало философии, где бы и когда бы она ни возникала» [7, с. 16-17], но данные слова характерны и для иных философских и мировоззренческих систем древности, иначе не могла бы сложиться культура.

На начальных этапах развития античная философская мысль была по большей части мифопоэтической и существовала в лоне этики. Формируясь под изменениями общественной жизни, античный миф стал выражением человеческой жизни, стремлений и потребностей, его отношения к настоящему, прошлому и будущему, а также выражением всех идеалов, как материальных, так и духовных [8; 9]. В этом русле шло формирование идей и мыслей в древней Греции, но с тем лишь отличием, что Греция сумела перейти мифический способ объяснения мира, в отличие от других стран. Это объясняется не только разницей культурных ценностей, но и спецификой мысли античных авторов.

Ни одна культура, как и ни одна цивилизация, не существует замкнуто. Античная цивилизация вышла из сложного противоречия мысли, воли и судеб, из чего в совокупности вышла классическая рациональная мысль. Рассмотрим несколько источников античной философии и сделаем оценку их металогическому влиянию на классическую мысль.

Один из первых античных философов досократического периода, который оказал значительное влияние на последующие эпохи истории мысли, был Гермотим из Клазомен (VI век до н.э.). Информация о нем весьма скудна, однако кое-что мы все же можем выделить, причем имеющее решающее значение для металогических структур.

Из сведений, которые имеются на данный момент, можно сделать несколько выводов. Аристотель указывает на то, что именно Гермотим был одним из первых, кто еще до Анаксагора (500–428 до н. э.) [10] выдвинул идею о том, что Вселенную привел в движение Ум. Учитывая также то, что Гермотим и Анаксагор были родом из одного города, можно предположить, что имела место преемственность убеждений.

Отсюда можно сделать один из наиболее интересных выводов – идея Ума как Демиурга была не нова в эпоху Анаксагора. Усмотрение первопричины сущего в Уме была у Гермотима скорее всего менее рационально обоснована, так как ей была присуща *стихийность*. Ум Гермотима был иным, чем Нус Анаксагора. Ум Гермотима – это отражение тягот судеб, в отличие от стремящегося к разуму Анаксагора. Например, Аристотель говорит: «Стало быть, в человеке нет ничего божественного и блаженного, кроме одного, достойного серьезного к себе отношения — а именно, всего того в нас, что относится к сфере ума и духа: только это в нас бессмертно, и только это божественно. И хотя по природе [человеческая] жизнь несчастна и тягостна, все-таки, благодаря возможности быть причастной к такой [т. е. интеллектуальной] способности, она устроена столь благодатно, что по сравнению со всеми остальными существами человек кажется богом. «Ибо наш ум (vous) есть бог» — кто бы это ни сказал, Гермотим или Анаксагор (скорее всего Гермотим) — и «есть в жизни смертных доля бога некого». А потому надо либо предаться философствованию, либо, распрощавшись с жизнью,

уйти отсюда, поскольку все прочее — сплошная болтовня и вздор» (Аристотель. Протрептик, фр. 10 с Ross= Ямвлих. Протрептик, 8; с. 48, 9—21 Pistelli). Философствование было способом выживания в себе самом, когда разум необходим в первую очередь для души. Дуализм тела и души также прослеживается у Гермотима: Миф о Гермотиме из Клазомен, гласящий, что душа часто оставляла его и странствовала сама по себе, а затем возвращалась вновь, наполняла тело и пробуждала Гермотима (Аристотель. Протрептик, фр. 10 с Ross= Ямвлих. Протрептик, 8; с. 48, 9—21 Pistelli). Данный миф также послужил возникновению мифа о смерти Гермотима: он продолжал путешествовать вне тела и «[Так продолжалось] до тех пор, пока враги его, воспользовавшись предательством жены, не схватили тело и не сожгли его дома, когда в нем не было души. Уничтожившие тело спящего до сих пор несут наказание в Тартаре» [11].

Нус Анаксагора имеет иную, хотя и схожую природу. Для него Нус не божественное начало, а абстрактно всеобщий принцип. Мировой ум движет мир и познает его. Он бесконечен, един, не смешан ни с какой вещью. Он также определяет прошлое, настоящее и будущее. Если идти от недостатков концепции Анаксагора, то выходит, что Нус подобен «богу из машины», так как появляется тогда, когда сам мыслитель не может найти ответ [12]. С другой стороны, несмотря на то, что Анаксагор признает его всеобщность и безусловность, он все же смешивает его с мифологией (абсолютное бытие, всеведение). *Все познаётся себе противоположным.*

Представления Гермотима - это металогическая система, развивающаяся в эпоху архаики, когда были распространены суеверия, шаманизм, когда множество идей «витало в воздухе», как, например, история Аристея Проконнесского, который, по словам Геродота, мог быть в двух местах одновременно, а по заявлениям стойка Максима Тирского Аристей мог путешествовать душой в отрыве от тела.

Ум Анаксагора — это рационализированный способ выйти за рамки мифа, недаром Чанышев А. Н. говорит о нем: «античная традиция говорит об Анаксагоре как о человеке, исключительно преданном науке» [5, с. 196]. Дильс-Кранц же указывает, что «во всем содержится доля всего, кроме ума, а в некоторых (существах) содержится и ум тоже» (DK 59 В 11).

Обобщая данные, следует сказать, что понятие «Ума» ярко выражено мифико-поэтическим образом, что является одним из критериев металогики как таковой. Почему именно металогики, а не культурной формы выражения мыслей? Металогика описательно относится к человеку, а не к культуре, описывая его судьбу не просто как отражение культуры (что, безусловно, так), но и его собственных воззрений в части отличных от мнений множества. Металогика здесь, проявляет себя так же, как и пограничность в попытке объяснения мира через образы мифа, а последние, в свою очередь, были рождены из пограничности самого бытия, между жизнью и смертью (имманентным и трансцендентным). Понимание роли мифа в жизни людей не позволяли долгое время выйти за его пределы.

С другой стороны, Эврит (400 г до н.э), который ввел проблематику относительно предельности чисел. Так, например, Теофраст пишет об Эврите: «Это [=не останавливаться, не доведя исследование до конца] свойство зрелого и здорового мужа. По словам Архита, именно так некогда поступал Эврит, раскладывая камушки. Он [доходил до таких подробностей, что] утверждал: вот это число человека, вот это — коня, вот это — еще чего-то. А ныне большинство [исследователей] останавливаются, дойдя до известного предела. Например, те, кто полагает [первопринципами] Одно и неопределенную Двоицу. Породив числа, плоскости и тела, они, можно сказать, опускают все прочее, а разве только мимоходом касаются и указывают всего-навсего, что одни вещи происходят от неопределенной Двоицы, как, например, место, пустота и бесконечное; другие — от чисел и одного, как, например, душа и кое-что еще, (а заодно время, небо и многое другое), а о небе и прочих вещах больше не упоминают» (Теофраст. Метафизика, 11, с. VI а 19 (Ross—Fobes)). Здесь Эврит выражает очень важную тему относительно предельности беспредельности. Основываясь на своем ощущении незавершенности знания, мыслитель стремится к полноте, к истине, безусловно в

своей манере. Не в возможности выйти за пределы опыта, Эврит упускает свою мысль, и, будучи пифагорейцем, убежден в то, что все определяется числом, о чем Аристотель вполне разумно спрашивает: «Равным образом совершенно не определено, в каком смысле числа суть причины субстанций и бытия — как определения (οροί) (так же, как точки — определения величин, и, как устанавливал Эврит, какое число присуще какой вещи; например, вот это число человека, вот это — коня, и, отображая камушками формы < животных и растений, подобно тем, кто сводит числа к [геометрическим] фигурам, [изображая их в виде] треугольника и квадрата) или же как консонанс есть отношение чисел, так и человек и все остальное?» [13]. Это крайне важный момент для определения металогики, так как именно здесь убежденность идет впереди разума, как и у Гермотима, как и многих других мыслителей — убеждение в учении своей школы играет ключевую роль в формировании философии многих мыслителей, включая Анаксагора, который не увидел диалектического развития идей (переход из количественного в качественное в рассуждении об противоположном) или идей атомистов, которые утверждали, что мир вещей текуч, мир элементов, из которых состоят вещи, неизменен [14, с. 100] (которые хотя и примирили Гераклита и Парменида, но не знали о том, что вещи в общем-то изменчивы, а элементы их неизменны лишь относительно вещей).

Одним из наиболее явных металогических условий является убеждение в ценности идей прошлого, так как их собственное мнение должно подкрепляться основаниями (в случае с Эвритом — предельность беспредельности — учением пифагорейцев, или с Аристотелем в его идее о космогонии — учением натурфилософов). Данное условие легло в основу открытий в науке, так как новые идеи должны согласовываться с опытом прошлого [15].

Наличие убеждений такого рода определяют металогический корень философии. Сами по себе рассуждения могут быть различными — первооснова мироздания Фалеса Милетского в виде воды, или учение Ономакрита, считающего первоначалами огонь, воду и землю [16], или апейрон Анаксимандра. Все в равной степени могут быть неправы из-за тех или иных внешних обстоятельств (влияние учеников, культур, ценностей прошлого), однако то, что делает мыслителя философом в классическом античном плане — *наличие рационализированных структур*. Подобного рода структуры «рассыпаны» по античным авторам, наиболее сильно были выражены учениками Парменида, особенно в части создания логического пространства, развитие апорий, которые в дальнейшем легли за основу софистики.

Металогика рассуждений переходит к рациональному в части «поиска проблемы мышления», апорий и противоречий, и в нем же приходит к чему-то третьему, недостижимому, трансцендентному, к тому, с чего все началось, как в случае самих парадоксов, которые стимулировали развитие рациональных структур.

Этическое лоно философии. Несколько расширяя данное в начале определение, стоит сказать, что под этическим лоном философии следует понимать изначальное, нерасчлененное единое, существующее в сводах, правилах, которое так или иначе соприкасается с другими сферами мышления (гносеологическими, онтологическими, антропологическими и др.). Этическое лоно следует понимать значительно шире термина, введенного Аристотелем. Этическое лоно скорее устанавливает взаимосвязанность идей и мнений, тогда как металогика занимается фиксацией в виде убеждений, внутренних норм и нравственного содержания личности, как взаимосвязанной с культурой, обществом, историческим прошлым, единицей *Этического лона*. Идея «Этического лона философии» как обобщающего фактора мировоззрения наиболее ярко присутствует у Сократа. Необходимо отличать этическое лоно от культурной атмосферы или исторической эпохи. Оно существует как нерасчлененная идея в рамках одного направления (как в данном случае — досократиков). Этическим лоном философии может служить предметная сфера идей, находящихся в рамках одного проблемного поля. Например, учение Сократа, где в силу развития софистов, в силу самой судьбы мыслителя (участие в войнах) он один из первых ввел в философию человека. У него добродетель (*arte*) обрела особый, онтологический смысл, она стала способом бытия, активностью, которая ведет к совершенству любое существо. Гносеологический оттенок в

человеке Сократ видел в проблеме мудрости: «По правде сказать, афиняне, мной не руководит ничто другое, как если только искание мудрости. И что же это за мудрость? Это в точном смысле мудрость человеческая (т. е. знание, какое человек может иметь по поводу человека же), относительно такого знания я, возможно, и мудрец» [9, с. 101]. У Сократа «сокровища души суть ценности», идея самообладания (*enkratia*) как господство рациональности над витальностью, введение его метода майевтики, которая закалялась в беседах с учениками, использование индуктивных умозаключений. В учении Сократа сосредоточены зерна наиболее важных логических открытий. Здесь этическое лоно проявляет себя наиболее ярко. Идеи Сократа повлияли на историю философии из-за развития искусство спора, культурных сдвигов внутри самих досократических школ, а главное появления на том фоне большого числа людей, которые интересовались софистикой, и которые, скорее всего, тем или иным образом повлияли на Сократа, подобно тому, как он повлиял на Платона и Аристотеля.

Здесь также можно выделить несколько ключевых факторов, определяющих этическое лоно философии:

1. Идейная преемственность (гносеологический). Например, идеи Экфанта, которые впоследствии развил Гераклид Понтийский. Так, например, Ипполит Римский, в своем труде «Опровержение ересей» пишет: «Некто Экфант из Сиракуз утверждал, что достичь истинного знания о сущем невозможно и что [каждый] определяет его по собственному разумению. Первичные тела неделимы и им присущи три различия: величина, форма и сила, а из них возникают чувственно воспринимаемые вещи. Число их определено и при этом бесконечно. Двигутся тела не под действием тяжести и не от удара, а под действием божественной силы, которую он называет «умом» (*vous*) и «душой». Космос — образ (*idéa*) ума, поэтому он и возник шарообразным под действием божественной силы. Земля находится в центре космоса и движется вокруг собственного центра [с запада] на восток» [16]. Можно привести другой пример. Платон в диалоге «Лакхет» указывает следующее: «[Никий доказывает тождество понятий «мужественный» и «мудрый»; Сократ говорит]: По-моему, ты и не заметил, что он перенял эту мудрость у нашего приятеля Дамона, а Дамон весьма близок с Продиком, который, как полагают, лучше всех софистов различает такие имена» [17]. Данный фрагмент указывает также на вполне активную философскую жизнь, когда идеи вполне естественным образом перетекали от мыслителя к мыслителю.

2. Космогонический (онтологический). Недаром досократиков называют натуралистами (*φύσις*). Стремление понять мир вокруг, особенно для философа, человека, стремящегося к истине, все кажется объяснимо через наглядность. Поиск первооснов заложил основу для значительных перемен в сознании. В результате исторического процесса размежевания мифа происходит выделение рационального, того, что вышло из космогонических учений. Очень показательным примером может служить Эмпедокл, в учении которого произошел синтез ионийских натуралистических учений и италийских философий. С одной стороны, начала он видел в стихийных элементах (огонь, вода, земля, воздух) [14], а с другой отождествлял богов со стихиями, более того, он указывает на то, что боги вторичны по отношению к «четырем корням»: ««Ибо из них всё, что было, что есть и всё то, что будет: в них прозябают деревья, из них стали мужи и жёны, дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы, также и боги из них, многочтимые, долгие днями». [18, с. 21]. Боги Эмпедокла не бессмертны, как и вещи, которые тленны, а все в мире, включая человека существует с той или иной дозой этих «четырех корней». Он ищет начало мышления в материальном мире, например, связывая его с омывающей сердце кровью: «В бурных волнах бегающей крови питается сердце; в нем же находится то, что зовем мы так часто мышлением: мысль человека есть кровь, та, что сердце вокруг омывает», а также «Разум растет у людей в соответствии с мира познанием» [18, с. 105-106], что указывает на гносеологический оттенок его этики, свидетельствуя о нерасчлененности, но отходе от привычного способа объяснения мира.

Таким образом, можно считать этическим лоном философии также первые попытки объяснения мира. С позиций наивного (естественного, коренного, первообразного) [20, с. 39] стихийного мировоззрения, этическая составляющая часто присутствовала в том или ином виде (как преемственность или объяснение). Почему стоит считать это именно «этическим лоном философии? Потому что натуралистов, естествоиспытателей – мыслителей, астрономов, астрологов, историков обобщает одно – стремление к пониманию «нрава мира, его правил и обычаев». Их объяснение с высоты нашего времени может выглядеть наивно, но для жителя Милета вода оказалась всем, особенно на фоне мифологии Египта, куда он путешествовал и видел, какое значение для египтян имеет Нил, отсюда и убежденность в мифологическом, истинном знании. Общий фон философских изысканий всегда имел всеобщее значение. Способность к аккумуляции знания, с одной стороны, и готовность общества к принятию тех или иных идей античных философов с другой, содействовала появлению наиболее важных мыслителей (Гераклита, Пифагора, Парменида и др). Этическое лоно стало «питательной средой» для рационального уже в трудах Платона и Аристотеля, а особенно выражено это проявилось у Сократа.

Если взглянуть на тех, кто «первым занялся философией, большинство считало началом всех вещей одни лишь начала в виде материи: то, из чего состоят все вещи, из чего первого они возникают и во что в конечном счете уходят, причем основное пребывает, а по свойствам своим меняется, это они и считают элементом и началом вещей, и поэтому они полагают, что ничто не возникает и не погибает, так как подобная основная природа всегда сохраняется. Количество и форму для такого начала не все указывают одинаково, но Фалес – родоначальник такого рода философии – считает ее водою» [13]. Родоначальник «такого рода» философии. Это навеивает на мысль о том, что сам Фалес был одним из тех, кого можно было бы так назвать, однако, как можно было бы убедиться – идеи, выраженные им, были в обществе. Главная заслуга его заключается в переходе от вопроса «что есть все?» [21; 16] (наиболее общего) к более конкретному «как все появилось?» и в попытке объяснить это что-то. Подобного рода переход был постепенным, однако с Фалеса начинается, собственно, античная философия и попытка понять умом «все».

Возможно ли считать переход такого рода закономерным? Вполне вероятно. Дело в том, что «перестройка категориальных структур сознания является необходимым условием такого перехода. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой тех ранее господствующих мировоззренческих ориентаций, которые уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности» [22, с. 76-77]. Важно понимать, что переход Фалеса Милетского являлся первым шагом к рациональному знанию, не вполне уверенному, наивному, но тем не менее оказавшему значительное влияние именно из-за перехода общественных интересов (постепенное размежевание мифа), из-за чего в наиболее адекватной форме (отвечающей запросам общества) описывал реальность.

Однако, возникает следующий вопрос, если свершился постепенный сдвиг к «рациональному», тогда почему не был достигнут идеал рационального знания? Из-за несовершенства общественных, технологических отношений? Или из-за присутствия в самом мышлении той самой установки на убеждения, который так хорошо проявлялся как в досократическую эпоху, так и в классическую?

Как уже говорилось в начале, под *металогикой* понимается такого рода *постлогическая данность, которая существует на границе между имманентным (личностным) и трансцендентным (мифическим) и стремится выйти за пределы всякого опыта, а также обладает свойствами стремления к мудрости мира и мудрости знания (миф и природа, первооснова и ум). Первое означает объяснение через «личный миф» (убеждение), а второе – границу самого убеждения, через знание о нем.* Из определения понятно, что металогика — это особая система внутренней реальности, которая описывает и выражает ее исходя из фундаментальных качеств личности. Мифико-поэтический комплекс складывался в суровых условиях борьбы, когда греческое государство только развивалось. Его

существование было нестабильным. Важным фактором, способствовавшим выживанию, являлись условия (географическое положение, климат) существования государства. Фалес Милетский многое подчерпнул из учения орфиков, а также всех тех стран, где он успел побывать. Его философия (протофилософия) была воплощением его убеждений, которые были выведены во время путешествия. Это очень показательно, особенно на фоне современного кризиса ценностей. Ценности и фундаментальные убеждения являются неотъемлемой частью металогии. Последняя - это **первичная предпосылка для формирования целостной философской системы**. В ней же этическое лоно философии, которое раскрылось в учении Сократа и развитии им диалектики. Этика природы (фьюсиса) ушла, оставив человека один на один со своими убеждениями. Время Сократа — это время классического периода греческой культуры: возвышение Афин и социально-культурных отношений. В условиях подъема демократического государства рождается человек. Этика выходит на передний план, но все еще слита с рациональными веяниями. Разумеется, Сократ здесь выступает как Фалес, так как произошла постепенная перестройка категориальных структур мировоззренческих ориентаций, от природы к этике, а в дальнейшем - от этики к чистому логосу (к оформлению классической логики). Этическое лоно философии было эвристически более ценным, чем рациональное, так как из него в нерасчлененной форме все было выражено. Металогика поспособствовала закреплению лона в убеждениях, ценностях, категориальных структурах и понятиях. Если обобщить, то *рациональным в досократической философии можно назвать такого рода мысль, которая в большей части сочетает в себе мифико-поэтический комплекс и глубокие убеждения относительно своего положения в мире*. Тогда как постсократическим типом рациональности можно назвать *характеристику знания с точки зрения его соответствия некоторым принципам мышления*. Формированием таких принципов мышления закончилось формирование рационального в более приближенной к нам форме, как способе использования разума для раскрытия существа понятий. Этическое лоно здесь - это в первую очередь целое, когда как металогика — это часть, человек — это часть культуры, но обладающей гносеологической, онтологической и этической ценностью.

Оба выделенных определения вышли из досократической философии, где все существовало с принципами космоса – единого, нерасчлененного знания. Важно понимать, что этическое лоно — это специфическая категориальная система ценностей, основанная на взаимодействии общественных идей, культурных, исторических и социальных явлений. Фундамент (необходимый для лона (миф, этика, логос, тео-) присутствует всегда вне зависимости от эпохи. Он может быть явным или неявным, релятивистским или декадентским, но понимание присутствия фундамента дает больше оснований для осмысления данных процессов (вызревания ценностей и их динамика), что в дальнейшем дает больше оснований для осмысления и преодоления кризисов.

Таким образом, металогические структуры, как было сказано в начале, основываются на этике. Последняя устремлена вглубь человека и выражается в форме мифа. Этическое лоно философии было оформлено, преимущественно, Сократом, но его главная заслуга заключается в аккумулировании исторического опыта и выражении его в адекватной форме. Платон и Аристотель аккумулировали его опыт, но и переосмыслили через призму своих учений, которые также обсуждались с учениками. Сократ, Платон и Аристотель создали свои системы не только благодаря своему уму, но и этическому лону с одной стороны (то есть той атмосфере, царящей в философских школах, которые были мотивированы внешней средой), но и собственными металогическими установками, так как их убеждения и этическое лоно способствовали эволюции взглядов, но с сохранением собственных убеждений.

Заключение. Досократическая философия стала выражением не только природного фьюсиса, но и собственного. Греки жили мифом, а миф может быть плодотворной средой для выделения различных идей. Сегодня в кризис мировоззренческих универсалий многие надеются найти тот фундамент, на который можно положиться, но часто не находят его, даже на страницах истории. Однако история философии дана, чтобы помнить о мудрости и

добродетели, о том, что следует называть металогики. Она - это дологическая основа мифа, а потому обобщает природное и внешнее в виде убеждений. Этическое же лоно философии — это то, к чему следует стремиться, к объединению разных мировоззрений, для создания универсального инструмента – человека как высшей ценности. Платон, Сократ и Аристотель были в первую очередь людьми, со своими страхами и неуверенностями, но этическое лоно всегда способствует рождению мудрецов, которые несмотря на бремя своей металогической сущности тянутся к «Солнцу – Благу». Основания есть всегда, главное - иметь мужество пользоваться своим умом и храбрость взглянуть в свою душу

Таким образом, обобщая все выше сказанное, следует сделать следующие выводы:

1. Проблема «этического лона философии». Проблемой этического лона служит способ обнаружения взаимосвязи идей и мнений, тогда как металогика занимается фиксацией в виде убеждений, внутренних норм и нравственного содержания *личности, как взаимосвязанной с культурой, обществом, историческим прошлым, единицей Этического лона*. Лона наполняет содержанием идеи той или иной философской школы, это представления о надлежащем и необходимом в рамках той или иной философской традиции.

2. Зачатки металогических структур в досократической философии. Наличие убеждений такого рода определяет металогический корень философии. Сами по себе рассуждения могут быть различными - первооснова мироздания Фалеса Милетского в виде воды или учение Ономакрита, считающего первоначалами огонь, воду и землю, или апейрон Анаксимандра. Все в равной степени могут быть неправы из-за тех или иных внешних обстоятельств (влияние учеников, культур, ценностей прошлого), однако то, что делает мыслителя философом в классическом античном плане – *наличие рационализированных структур*, тогда как философом в истинном значении – в стремлении к мудрости.

3. Роль Сократа, Платона и Аристотеля в формировании рационального знания заключается в предельном обобщении идей прошлого и их переосмыслении. Сократ, Платон и Аристотель создали свои системы не только благодаря своему уму, но и этическому лону с одной стороны (то есть той атмосфере, царящей в философских школах, которые были мотивированы внешней средой), а также собственным металогическим установкам, так как их убеждения и этическое лоно способствовали эволюции взглядов, но с сохранением собственных убеждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Скрипник К.Д. Начала метафилософии: Генрих Струве vs. Моррис Лазеровиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. № 28 (3). С. 757–770.
2. Осипов Ю. М. Металогика // Философия хозяйства. 2008. № 4 (58). С. 219-222.
3. Ильин В.В. Философия. М. 2019. 320 с.
4. Дератани Н. Ф. Хрестоматия по античной литературе в 2 т. Т. 1. М. 1965. 679 с.
5. Чанышев А.Н. История философии древнего мира. М. 2018. 608 с.
6. Вьяккерев Ф. Ф. Онтология и теория познания в 2-х томах. Т. 1. Основы онтологии. М. 2024. 313 с.
7. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб. 2007. 788 с.
8. Античная литература / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М. 1973. 439 с.
9. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. ТТ. 1-2. СПб. 2012. 720 с.
10. Аристотель. Метафизика / Пер. П. Д. Перлова, В. В. Розанова. М. 2006. 232 с.
11. Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. Т.2. М. 1976. 400 с.
12. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. М. 1976. 550 с.
13. Аристотель. Метафизика / Пер. А. Кубинского. М. 2024. 448 с.
14. Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку. 1946. 400 с.
15. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М. 2006. 384 с.
16. Ипполит Римский. Опровержение всех ересей. СПб. 2008. 400 с.
17. Платон. Полное собрание сочинений. М. 1311 с.

18. Лукреций. О природе вещей. В 2-х т. Т. 2. М. 1947. 717 с.
19. Плутарх. Сочинения. М. 1983. 707 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. М. 1987. 832 с.
21. Фрагменты ранних греческих философов. Под ред. А. В. Лебедева и И. Д. Рожанского. Часть I. М. 1989. 577 с.
22. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. 2011. 408 с.

REFERENCES:

1. Skripnik K.D. Nachala metafилософии: Genrikh Struve vs. Morris Lazerovits [The Beginnings of Metaphilosophy: Heinrich Struve vs. Morris Lazerowitz]. In: Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. 2024. No. 28 (3). P. 757–770. (In Russian)
2. Osipov Yu.M. Metalogika [Metalogics]. In: Philosophy of Economy. 2008. No. 4 (58). P. 219–222. (In Russian)
3. Ilin V.V. Filosofiya [Philosophy]. Moscow: Prospekt, 2019. 320 p. (In Russian)
4. Deratani N.F. Khrestomatiya po antichnoi literature v 2 t. T. 1. [A Textbook on Ancient Literature in 2 Volumes. Vol. 1]. Moscow: Prosveshchenie, 1965. 679 p. (In Russian)
5. Chanyshv A.N. Istoriya filosofii drevnego mira [History of Philosophy of the Ancient World]. Moscow: Akadem. Prospekt, 2018. 608 p. (In Russian)
6. Vyakkerev F.F. Ontologiya i teoriya poznaniya v 2-kh tomakh. T. 1. Osnovy ontologii [Ontology and Theory of Knowledge in 2 Volumes]. Moscow: Yurait, 2024. 313 p. (In Russian)
7. Akhutin A.V. Antichnye nachala filosofii [Ancient Principles of Philosophy]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 788 p. (In Russian)
8. Antichnaya literatura. [Ancient Literature]. Eds. A.A. Takhogodi. Moscow: Prosveshchenie, 1973. 439 p. (In Russian)
9. Reale G., Antiseri D. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei. Antichnost'. Srednevekov'e. TT. 1–2 [Western Philosophy from its Origins to the Present Day. Antiquity. Middle Ages. Vols. 1–2]. St. Petersburg: Pnevma, 2012. 720 p. (In Russian)
10. Aristotle. Metafizika. [Metaphysics]. Trans. by P.D. Pervov, V.V. Rozanov. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006. 232 p. (In Russian)
11. Sextus Empiricus. Sochineniya v 2-kh t. T. 2. [Essays in 2 Volumes. Vol. 2]. Moscow: Mysl', 1976. 400 p. (In Russian)
12. Aristotle. Sochineniya v 4-kh tomakh. T. 1. [Essays in 4 Volumes. Vol. 1]. Moscow: Mysl', 1976. 550 p. (In Russian)
13. Aristotle. Metafizika [Metaphysics]. Trans. by A. Kubinsky. Moscow: AST, 2024. 448 p. (In Russian)
14. Makovel'skii A.O. Drevnegrecheskie atomisty [Ancient Greek Atomists]. Baku: Izdatel'stvo AN Azerbaidzhanskoi SSR, 1946. 400 p. (In Russian)
15. Stepin V.S. Filosofiya nauki. Obshchie problemy: uchebnyk dlya aspirantov i soiskatelei uchenoi stepeni kandidata nauk [Philosophy of Science. General Problems: A Textbook for Graduate Students and Candidates for the Degree of Candidate of Sciences]. Moscow: Gardariki, 2006. 384 p. (In Russian)
16. Hippolytus of Rome. Oproverzhenie vseh eresei [Refutation of All Heresies]. St. Petersburg: Bibliopolis, 2008. 400 p. (In Russian)
17. Plato. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Moscow: Al'fa Kniga, 2023. 1311 p. (In Russian)
18. Lucretius. O prirode veshchei. V 2-kh t. T. 2. [On Nature. In 2 Volumes. Vol. 2]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1947. 717 p. (In Russian)
19. Plutarch. Sochineniya [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983. 707 p. (In Russian)
20. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 3]. Moscow: Progress, 1987. 832 p. (In Russian)
21. Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' I. [Fragments of Early Greek Philosophers]. Eds. A.V. Lebedev, I.D. Rozhansky. Moscow: Nauka Publ., 1989. 577 p. (In Russian)
22. Stepin V.S. Tsivilizatsiya i kul'tura [Civilization and Culture]. St. Petersburg: SPbGUP, 2011. 408 p. (In Russian)